

ОТСТАВНОЙ КОРОЛЕВСКИЙ МУШКЕТЕР МЕЖДУ НАУКОЙ, САЛОНОМ И БУДУАРОМ

Дмитриев Игорь Сергеевич – доктор химических наук, старший научный сотрудник. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5; e-mail: isdmitriev@gmail.com

В данной статье рассматриваются биологические работы выдающегося французского ученого и философа Пьера-Луи Моро де Мопертюи (1698–1759), посвященные проблемам размножения животных и наследственности. Его научная карьера является примером того, как в Европе середины XVIII столетия различные научные дисциплины переплетались с литературой, искусством и философией. В одной из своих главных публикаций, касавшихся указанной проблематики, «*Vénus physique*» (1745) Мопертюи выступает в тройной роли: натурфилософа, любовника и создателя провокационной прозы. На протяжении всей книги он то и дело переходит от одной роли к другой, соединяя теорию, наблюдения, повседневный опыт и литературный нарратив. Его возражения против преформизма разворачиваются в стилизованном литературном контексте, который сам по себе отсылает к более личному контексту светского разговора и флирта. Эпигенетическая концепция размножения (истоки которой уходят в Античность) в изложении Мопертюи опиралась на широкий круг аргументов, почерпнутых из разных источников: данных анатомии и изучения монстров, из наблюдений за расовыми различиями и семейным сходством, из анализа селекционного опыта животноводов, из микроскопических наблюдений и химических представлений. Французский ученый представил динамику процессов в живой природе в терминах натурализованного желаяния и отвращения, которые функционируют как направляющие склонности, присущие мельчайшим единицам органической материи. В «*Vénus physique*» Мопертюи, излагая свои биологические взгляды, играл на привлекательности в определенных парижских кругах социально приемлемой эпатажности, связанной с философскими текстами, эротикой, неортодоксальными религиозными верованиями и незаконными сексуальными связями.

Ключевые слова: Мопертюи, эпигенез, преформизм, химическое сродство, происхождение монстров, либертинаж

A RETIRED ROYAL MUSKETEER BETWEEN SCIENCE, SALON AND BOUDOIR

Igor S. Dmitriev – DSc in Chemistry, Senior Research Fellow. St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology Russian

The present paper aims to examine the biological works of Pierre-Louis Moreau de Maupertuis (1698–1759), a prominent French scientist and philosopher, on the problems of animal reproduction and heredity. His scientific career exemplifies how, in mid-eighteenth-century Europe, various scientific disciplines were intertwined with literature, art, and philosophy. In one of his major publications dealing with these issues, “*Vénus physique*” (1745),

Saint Petersburg 199034,
Russian Federation;
e-mail: isdmitriev@gmail.com

from one role to another time and again, combining theory, observation, everyday experience, and literary narrative. His objections to preformationism unfold in a stylized literary context that itself references the more personal context of salon conversation and flirtation. Maupertuis's epigenetic conception of reproduction (with its origins in Antiquity) drew on a wide range of arguments from a variety of sources: anatomy and monster studies, observations of racial differences and family resemblance, analysis of the breeding experience of animal breeders, microscopic observations, and chemical insights. The French scientist presented the dynamics of processes in living nature in terms of naturalized desire and aversion, which function as guiding inclinations inherent in the smallest units of organic matter. In "Vénus physique", Maupertuis, in presenting his biological views, played on the appeal in certain Parisian circles of socially acceptable epaethics associated with philosophical texts, eroticism, unorthodox religious beliefs, and illicit sexual liaisons.

Keywords: Maupertuis, epigenesis, preformation, chemical affinity, origin of monsters, libertinage

Одной из самых ярких звезд на научном небосклоне века Просвещения стал Пьер-Луи Моро де Мопертюи (*Pierre-Louis Moreau de Maupertuis*; 1698–1759)¹. Он родился в процветавшем портовом городе Сен-Мало (*Saint-Malo*) на побережье Бретани, в богатой и влиятельной семье. Отец Пьера-Луи Рене Моро де Мопертюи (1664–1746) сделал свое состояние, вооружив и возглавив ряд кораблей, нападавших на английские суда. Женившись на Жанне-Эжени Бодран (*Jeanne Eugénie Baudran*; 1672–1729), дочери другого процветающего корсарского рода, он создал союз, который укрепил интересы бретонского торгового сословия. В самом конце XVII в. он перестал заниматься каперством, решив инвестировать накопленные средства в морские авантюры других капитанов, а также посвятить себя семейным делам.

Получив неплохое домашнее образование, Пьер-Луи продолжил учебу в парижском Коллеже де ла Марш (*Collège de la Marche*), одном из многих небольших коллежей, входящих в состав старого Парижского университета. (Его отец, как и многие отцы-бандиты, мечтал о том, чтобы сын получил хорошее образование.) По окончании Коллежа Мопертюи продолжил изучение математики (уже самостоятельно) и много времени уделял музыкальным занятиям. Рене Моро, в поисках подходящей профессии для сына, устроил молодого человека в роту королевских мушкетеров, расквартированную в Париже. Там Пьер-Луи благополучно провел два года, совмещая военное ремесло с математическими штудиями. Затем он, благодаря отцовским связям, продолжил службу в чине капитана в кавалерийской роте в Лилле. Войны в то время не было и служить можно было спокойно. Каким-то

¹ См. о нем: [Terrall, 2002].

образом ему удалось получить разрешение проводить зимние месяцы в Париже, где он занимался математикой и вел активную светскую жизнь. Так прошло еще три года, но в итоге военная служба молодому человеку наскучила, и в 1723 г. он продал свой контракт, окончательно переехав в столицу, где и началась его бурная научная карьера.

Более всего Мопертюи известен как автор принципа наименьшего действия (1744), а также как руководитель геодезической экспедиции Парижской академии наук в Лапландию (1736–1737) с целью измерения длины градуса земного меридиана, результаты которой опровергли гипотезу Жака Кассини (*Jacques Cassini*; 1677–1756) о вытянутости земного эллипсоида.

Он жил жизнью общительного пытливого философа, человека науки, втянутого в интеллектуальные споры и интриги своего времени и использовавшего печатный станок для достижения своих целей и укрепления репутации.

Его научная карьера является примером того, как в Европе середины XVIII столетия различные научные дисциплины переплетались с литературой, искусством и философией. Хотя Мопертюи не писал для «Энциклопедии», он, однако, принадлежал к тому сообществу *«gens de lettres»*, в котором издатели этого труда находили своих авторов и читателей. Рецензии и аннотации на его сочинения появлялись на страницах всех ведущих литературных и научных журналов того времени, а также часто встречались практически во всех томах «Энциклопедии», особенно в статьях по математике, физике, биологии, репродуктивной физиологии, навигации, астрономии, эпистемологии и филологии. Все это сделало его заметной фигурой своего времени, вызывающей восхищение одних и неприятие других.

Далее я остановлюсь на биологических работах Мопертюи, посвященных проблемам размножения животных и наследственности.

Albino Negro

В январе 1744 г. в Париж привезли очередную диковинку: негритянского мальчика-альбиноса (*albino negro*) лет пяти, родившегося в Южной Америке в семье чернокожих рабов. Юношу демонстрировали в аристократических домах, а также (8 января) в Академии наук. Некоторое время он был предметом обсуждения, поскольку «забавлял любопытных и занимал философов» [Formey, 1759, p. 491].

Мопертюи также видел *nègre blanc* и включил его описание в одну из своих работ: «Это ребенок 4–5 лет, который имеет все черты негра и кожа которого очень бела... Его голова покрыта белыми волосами с рыжеватым оттенком, глаза – светло-голубые, казалось, страдали от дневного света. Он родился, как утверждают, от отца

и матери африканцев и очень черных... Достаточно допустить, что этот ребенок имел белых негров среди своих предков, а может быть, он был первым белым негром своей расы» [Maupertuis, 1745, p. 147–148].

В трудах Академии о мальчике-альбиносе сообщалось как об одном из «монстров», давалось его краткое описание, но без каких-либо предположений о причине его диковинной внешности. В отчете также отмечалось, что путешественники видели целые племена (*nations*) негров-альбиносов неподалеку от Мексики и на Мадагаскаре [Diverses observations, 1744, p. 12–13]. Действительно, десятью годами ранее Академия наук получила сообщение об *albino negro* от голландского врача, работавшего в Нидерландской Гвиане (Суринаме). По этому поводу Б. Фонтенель (*Bernard le Bovier de Fontenelle*; 1657–1757) высказал пожелание, что неплохо бы узнать побольше об отце ребенка [Fontenelle, 1734, p. 17].

Помимо того, что мальчики-альбиносы напоминали об экзотическом мире далеких европейских колоний, они также стимулировали интерес к проблемам размножения, наследственности и расовых различий.

Следует сказать, что в 1740-х гг. в Парижской академии наук возродился интерес к проблеме размножения человека и животных. Наибольшей популярностью (как среди широкой публики, так и в сообществе ученых) пользовалась теория преформизма, согласно которой взрослые особи развиваются из созданных Богом во время Творения зародышей всех индивидуумов. Эти зародыши мыслились как полностью сформированные индивиды в миниатюре, а процесс размножения сводился к увеличению этих микроиндивидов в размерах. При этом по вопросу, где же именно пребывает зародыш в длительный период своего латентного существования, мнения натуралистов и анатомов разделились. Одни полагали, что исходные микроорганизмы находятся (предсуществуют) в мужском организме (в сперме, в микроскопических «анималькулах (*animalcules spermatiques*)»), и для роста зародышей требовалась питательная среда матки)², другие – что в женском (в яйцеклетке, и им требовалась активация спермой, чтобы начать расти). Поэтому теории назывались, соответственно, анималькулистскими и овистическими. Таким образом, преформизм в любом своем варианте исключал из естественной истории сложную динамику развития. Подлинным создателем новых особей оказывался Бог. Как выразился Р.-А. де Реомюр (*René-Antoine Ferchault, seigneur de Réaumur*; 1683–1757), «такое великое произведение (он имел

² Некоторые, как, например, живописец Жак-Фабьен Готье д'Аготи (*Jacques-Fabien Gautier d'Agoty*; 1710–1781), утверждали, что они видели зародыши в сперме без микроскопа.

в виду блох. – И.Д.) могло быть создано только разумным существом *par excellence*» [Réaumur, 1734–1742, t. 6, p. 547].

Отнесение зарождающегося организма к особи одного пола подразумевало асимметрию между вкладом мужчины и женщины в репродуктивный процесс, а половой акт в таком случае сводился к созданию условий для начала реализации predetermined сценария роста плода. Кроме того, научному сообществу начала XVIII столетия были доступны факты, ставившие под вопрос справедливость преформистских идей. В частности, ученые знали, что крошечная гидра (пресноводный полип) обладает удивительной способностью: разрезанная пополам, она через пару дней восстанавливала свое тело и нервную систему³. Наряду с этим фактом был известен также партеногенез⁴ у тлей и некоторые другие «странные» явления, которые напоминали натуралистам, сколь плохо они понимают природу размножения, притом что и гидру, и тлей, в отличие от *albino negro* никак нельзя было отнести к экзотическим объектам. В ходе дискуссий, как в салонах, так и в Академии, поднимались вопросы о соотношении в природе видимого и невидимого, аномального и нормального, необычного и привычного, что порождало в слушателях и читателях чувство соприсутствия чудесного, которое может быть объяснено теориями весьма спекулятивного свойства и, следовательно, отличными от описательной традиции естественной истории [Gasking, 1967; Roger, 1971; Spary, 1999, p. 276–278].

В начале 1740-х гг. полипы из голландского пруда прибыли в Париж, чтобы быть представленными как светскому обществу, так и Академии. Р.-А. де Реомюр огласил академикам сообщение А. Трамбле в марте 1741 г. и представил живые экземпляры этих существ. Тем самым «[Реомюр] сделал свидетелями открытия Академию, а вместе с ней двор и город (*la Cour et la Ville*)», которые, как он заметил, «в наш просвещенный век едва ли отличаются от ученых людей в этом отношении» [Histoire..., 1741, p. 33]. Благородная публика увлеченно занялась обсуждением регенерации полипов.

Однако Реомюр и многие академики воздержались от высказывания каких-либо гипотез о странностях пресноводных полипов, тогда как Мопертюи и Бюффон (*Georges-Louis Leclerc, Comte de Buffon*; 1707–1788) были менее осмотрительны и не ограничились описанием увиденного.

³ Абраам Трамбле (*Abraham Trembley*; 1710–1784), швейцарский натуралист, работавший в провинциальной безвестности в Нидерландах, впервые заметил и записал замечательные свойства гидры около 1740 г. [Dawson, 1987].

⁴ Партеногенез – одна из форм полового размножения организмов, когда женские половые клетки (яйцеклетки) развиваются во взрослом организме без оплодотворения.

В литературе уже неоднократно обсуждалась характерная для XVIII столетия тенденция объяснять уникальные явления универсальными законами, что в глазах образованной элиты отличало просвещенное восприятие природы от «вульгарного». Натурфилософия рассматривалась как полезное, а не увеселительное предприятие, следовательно, природа должна была стать для исследователя предсказуемой и объяснимой. Но как тогда быть с такими необычными и непредвиденными феноменами, как регенерация или партеногенез? Ведь задача науки – редуцировать язык любопытства и удивления к рациональным объяснениям и рассуждениям. А как это сделать, если все, относящееся к природе «организованной материи» («*êtres organisés*»), души и жизни, не поддавалось легкому сведению к общим законам.

К сказанному уместно добавить, что в XVIII в. отношение к «монстрам» претерпело важное изменение по сравнению с предшествующим столетием. К примеру, Р. Бойль (*Robert Boyle*; 1627–1691) откровенно посмеивался над неспособностью природы правильно создать даже «такую маленькую, мягкую и податливую часть материи», как эмбрион: «Судить о том, как эти грубые отклонения согласуются с тем великим единообразием и изысканным мастерством, которые приписываются природе в ее выдающихся произведениях, я оставляю на долю натуралистов» [Boyle, 1772, p. 201].

Но если природу можно упрекать в ошибках, приводящих к появлению монстров, то допустимо ли в том же корить Господа Бога? Бойль категорически отрицал такую возможность, поскольку природа подобна «всего лишь кормящей матери для своих созданий», тогда как Бог, будучи Творцом мира и его суровым судьей, волен наказывать отдельные свои создания и нарушать любые правила и законы [Ibid., p. 197–198], подчиняя тем самым благополучие конкретных существ «своей заботе о поддержании универсальной системы и первоначальной схемы или замысла своих деяний» [Ibid., p. 199]. Иными словами, наблюдаемые аномалии либо оказываются частью универсальной системы мира и потому лишь внешне выглядят отступлениями от нормы, либо они были прискорбными, но редкими отклонениями от природного порядка, не нарушающими, однако, сколь-либо существенным образом общую гармонию универсума, присущую большинству творений.

Несколько иначе к вопросу о «монстрах» и отклонениях от природной нормы подходили мыслители Просвещения, сместившие акцент с того, что видит субъект, на то, как ему надлежит воспринимать видимое. Прежде всего, по их мнению, необходимо научиться контролировать воображение, нацелив его на то, что Жан-Франсуа Мармонтель (*Jean-François Marmontel*; 1723–1799) в статье «Вымысел (*Fiction (Belles-Lettres)*)», опубликованной в «*Encyclopédie*», назвал «новым миром... миром, каким он должен быть, если бы он был

создан только для наших удовольствий» [Encyclopédie, 1751–1780, t. 6, p. 680]. В этом новом мире нет места ни фантазии, ни чудесам, ни чудовищам, ни продуктам необузданного воображения, ни каким-либо необъяснимым загадочным явлениям. Для Мармонтеля эмблемой ненормального художественного воображения стало то, что Л. Шевалье де Жокур (*Louis Chevalier de Jaucourt*; 1704–1779) в статье «Правдоподобие (*Vraisemblance (Poésie)*)» назвал (используя образы Горация) «смешением несовместимых вещей, соединением птиц со змеями, тигров с ягнятами» и т.п. Эти «выдумки, лишённые правдоподобия, и события, непомерно раздутые, – писал он, – вызывают отвращение у читателей, обладающих зрелым рассудком» [Ibid., t. 17, p. 484]. Таким образом, речь шла не об истине, но о видимости, точнее, о просвещённой реакции на видимое, отвечавшей условностям приличия и благопристойности. Чудовищность (монстрообразность) – вопрос взгляда и восприятия созерцателя, а они зависят от его культурного и социального опыта. «...Лучший из негров, – писал Ф. Вольтер в статье «*Monstres*», настаивая на относительности понятий нормы и аномалии, – был чудовищем для белых женщин, а первая из наших красавиц казалась чудовищем в глазах негров» [Voltaire, 1877–1885, t. 20, p. 108–109].

Этот момент взаимного шока остроумно передан в опере В.А. Моцарта «Волшебная флейта (*Die Zauberflöte*)» (1791) (либретто Э. Шиканедера): при первой встрече мавританский раб Моностатос и одетый в перья птицелов Папагено в ужасе отшатываются друг от друга, вскрикивая в унисон: «Это, конечно, дьявол!»

Вместе с тем монстры – и вообще всякие отклонения от нормы – могут вызывать не только ужас или отвращение, но и удивление, о чем до Вольтера писали Фортунно Лицети (*Fortunius Licetus*; 1577–1657) [Licetus, 1616, p. 47] и Дж. Мандевиль (*John Mandeville*; XIV в.) [Mandeville, 1960]. Но Вольтер идет дальше. Он настаивает на невозможности универсальной реакции даже на отдельных монстров, которые становятся таковыми только потому, что эстетическое суждение формируется зрительскими привычками, которые так или иначе отражают многообразие культурного опыта индивида. Почему у одного наблюдателя монстры вызывали удивление, а у другого – отвращение (притом что оба искали естественное объяснение виденного)? Для Лицети монстр служил отдельным, частным примером нарушения нормы природы, для Вольтера – нормы обычая. Для первого монстр – свидетельство игры изобретательной природы, для второго – вызов нормам красоты и приличия, которые всегда относительны. Переход от норм природы к нормам обычая, разумеется, не ослабил эмоционального воздействия аномалий. То, что некогда считалось обыкновением, своего рода «привычкой» природы, превратилось со временем в ее незабываемые законы; аналогично и в социуме распространенные модели поведения стали соблюдаться в режиме

приличий и социальных правил. Чудовища не нарушали – и не могли нарушить – законы природы, но, не вписываясь в привычки и пред-рассудки социума, ставили под сомнение стабильность и природных, и социальных порядков.

Дискуссии о физиологии размножения, длившиеся в Парижской академии наук с 1720-х по 1740-е гг., проходили в контексте спора о происхождении «монстров». На страницах *Mémoires* перечислялось множество случаев, рассмотренных анатомами Луи Лемери (*Louis Lémery*; 1677–1743) и Жаком Винсловом (*Jacques-Bénigne Winslow*; 1669–1760) [Roger, 1971, p. 409–418]. Эти исследователи разделяли теорию предсуществования зародышей, но радикально расходились во мнениях относительно того, как объяснить дефекты их строения. Лемери утверждал, что случайные перестановки частей в зародыше происходят по случайным причинам после зачатия (например, два зародыша могут быть сведены вместе на очень ранней стадии развития, что приведет к смешению их зарождающихся органов и рождению сросшихся близнецов). Винслов же, отдавая должное непостижимости божественной мудрости, утверждал, что чудовищные организмы должны были развиваться из чудовищных зародышей, созданных Богом с неизвестными людям целями. Лемери рассматривал идеи Винслова как оскорбление божественного разума, ибо несовершенные сущности не могут быть приписаны Богу.

Мопертюи воспользовался пребыванием в Париже мальчика-альбиноса, чтобы поделиться с широкой публикой своими, – сугубо умозрительными, – соображениями, касавшимися размножения и наследственности, критикуя попутно преформистские идеи. В 1744 г. он анонимно опубликовал в Лейдене *Dissertation physique à l'occasion du nègre blanc* [Физическая диссертация о негре-альбиносе] [Mauvertuis, 1744], причем за год вышло три издания. Книга была быстро распродана, прочитана, осмеяна и пересказана, а в образованном обществе высказывались различные догадки о ее авторстве.

Вскоре Пьер-Луи значительно расширил свой труд, добавив главы о расовых различиях, альбинизме и других наследственных признаках, таких как полидактилия (наличие лишних пальцев на руках или ногах). Новая версия трактата под названием *Vénus physique* [Физическая Венера] выдержала несколько изданий (по-прежнему анонимных), первое из которых появилось в 1745 г. [Mauvertuis, 1745]. Анонимность публикаций оправдывалась тем, что власти могли счесть сочинение опасным, поскольку оно не отвечало принятым теологическим установлениям.

Диссертация о *nègre blanc* открывалась следующим утверждением автора: «Когда я приступил к этой работе, я не думал ни о чем другом, кроме как о написании книги. Накануне вечером я оказался в доме, куда кто-то привел негра-альбиноса, который сейчас находится в Париже... Все безостановочно рассуждали об этом вундеркинде

(*prodige*)» [Mauvertuis, 1744]. Мопертюи заверял читателя, что решил опубликовать свои мысли по поводу увиденного исключительно по настоянию «одной из участниц вечеринки, которой ни в чем не мог отказать» [Ibid.]. Это признание придавало сочинению галантный тон и отсылало к устоявшейся литературной традиции, когда мужчины просвещают женщин в ученном (или квазиученном) разговоре, приправленном сексуальными двусмысленностями.

Мопертюи усилил галантность стиля, упомянув об опасности публикации своего труда и готовности рискнуть ради дамы во имя свободы мысли: «...та же особа, для которой я написал это, настояла (*éxigea*), чтобы я сделал нечто более трудное, или по крайней мере более опасное: передал свое сочинение в печать. И я согласился. Мне не хватило эгоизма (*amour propre*) отказать. Моя единственная слабость заключалась в том, что я не осмелился поставить [на обложке] свое имя» [Ibid.]. Он посетовал, что пишет «...в то время, когда нам хотят запретить пользоваться разумом (*opération de l'Esprit*), и когда могущественная партия стремится продемонстрировать, что мы не умеем писать и не должны уметь» [Ibid.] Упоминание о риске в сочетании с галантностью изложения напоминало читателю о близком знакомстве автора с литературными вкусами элиты. Анонимность могла защитить его от властей, но она же служила маской, которая подчеркивала его принадлежность к миру светской культуры, ценившей завуалированные ссылки и литературные секреты. Любопытно, что Мопертюи воздерживался от открытого признания своего авторства даже после того, как многие читатели, уже в 1744 г., догадались, кому принадлежит нашумевший текст. Спекуляции о личности автора способствовали успеху книги не меньше, чем рассуждения о физиологии размножения и происхождении монстров. Ходили слухи, будто Мопертюи тайно поощрял нападки на свою книгу, чтобы о ней больше говорили.

В первой главе «*Vénus physique*» вопрос о размножении ставился в двойном контексте: эротики и натурфилософии (физиологии). В начале книги Мопертюи обращается к безымянной даме: «Не раздражайтесь, если я скажу вам, что когда-то вы были червем, или яйцом, или чем-то вроде грязи (*une espèce de boue*). Но не думайте также, что все потеряно, когда вы утратите ту форму, которую имеете сейчас, когда ваше тело, способное ныне очаровывать всех, превратится в пыль» [Mauvertuis, 1754, p. 5]. И далее он посвящает свою очаровательную спутницу в таинства размножения, обещая ей радости самопознания, причем речь шла исключительно о знании «происхождения своего тела (*l'origine de votre corps*)» [Ibid., 4], одновременно намекая, что сам он не застрахован от ее телесных чар.

Пьер-Луи всячески усиливает эротическое напряжение между автором-мужчиной и читательницей, привнося в текст фразеологию салонных разговоров.

«Мужчина, – внушает он своей избраннице, – находится в меланхоличном состоянии, когда все кажется ничтожным, до того момента, когда находит ту, которая может сделать его счастливым. Он видит ее: все хорошеет в его глазах (*tout s'embellit à ses yeux*): он дышит более сладким и чистым воздухом... вся природа служит той, кого он любит. Влюбленный с новым рвением относится ко всему, за что берется: все сулит ему счастливый успех. Она, очаровавшая его, загорается тем же огнем, который сжигает его, она отдается его очарованию, и счастливый влюбленный быстрым взглядом обзревает все ее красоты, которые его соблазнили. Вот он уже добрался до самого восхитительного места (*parvenu à l'endroit le plus délicieux*)... О, как же несчастен тот, кого смертельный нож лишил этого состояния! Если бы лезвие оборвало твою жизнь, оно было бы менее смертоносным. Напрасно ты населяешь огромные дворцы... и даже если ты при этом владеешь всеми богатствами Азии, все равно самый ничтожный из твоих рабов, который может вкусить эти удовольствия, счастливее тебя (Мопертюи намекает здесь на евнухов, жертв «смертельного ножа», потерявших существенную часть своей природы. – И.Д.)!» [Maupertuis, 1745, p. 7–8]. Сочетание экзотики (рабы, евнухи, богатства Азии) и эротики («*l'endroit le plus délicieux*») напоминает «Персидские письма» Шарля де Монтескье (*Charles Louis de Secondat, Baron de La Brède et de Montesquieu*; 1689–1755), «Нескромные сокровища» Дени Дидро (*Denis Diderot*; 1713–1784) и многие подобные сочинения, особенно повесть, приписываемую адвокату парижского парламента Ж. Жервезу де Латушу (*Jean-Charles Gervaise de Latouche*; 1715–1782), «История отца Бугра, картезианского привратника» (1741), которая пользовалась чрезвычайной популярностью, и из которой, вероятно, Мопертюи позаимствовал эвфемизм «*l'endroit le plus délicieux*» [Anon., ок. 1920, p. 39].

В *Vénus physique* автор выступает в тройной роли: натурфилософа, любовника и создателя провокационной прозы. На протяжении всей книги он то и дело переходит от одной роли к другой, соединяя теорию, наблюдения, повседневный опыт и литературный нарратив. Его возражения против преформизма разворачиваются в стилизованном литературном контексте, который сам по себе отсылает к более личному контексту светского разговора и флирта.

Критика Мопертюи современных теорий размножения подразумевала также нарушение жесткой демаркации между человеком науки и объектами его внимания. Размышления об устройстве и развитии организма побуждали обращаться к опыту любви и секса. «Именно в этот момент, – продолжает Мопертюи, – отмеченный таким наслаждением, зарождается новое существо, способное понять самые возвышенные вещи и, более того, вкусить те же удовольствия» [Maupertuis, 1745, p. 9]. Наслаждение, интеллектуальное понимание и физическая организация организмов, таким образом,

неразрывно связаны с самой природой жизни, которая появляется не божественным волеизъявлением, а в результате физического соединения двух существ.

Упоминавшаяся Мопертюи эпигенетическая концепция размножения (истоки которой уходят в Античность, см. [Needham, 1959]) опиралась на широкий круг аргументов, почерпнутых из разных источников: данных анатомии и изучения монстров, из наблюдений за расовыми различиями и семейным сходством, из анализа селекционного опыта животноводов, из микроскопических наблюдений и химических представлений. Исходя из того, что у отдельных особей материнские черты проявляются так же часто, как и отцовские, Мопертюи пришел к убеждению, что потомство оказывается «соединением двух семян» [Maupertuis, 1745, p. 111]. Более того, при половом размножении имеет место свободная комбинация признаков и возможно *доминирование* (термин Мопертюи) признака одного из родителей: «...ребенок бывает похожим то на отца, то на мать в зависимости от того, доминируют ли части того или другого [родителя] в его образовании» [Maupertuis, 1768, p. 306]⁵.

Анатомические исследования Уильяма Гарвея (*William Harvey*; 1578–1657), который вскрыл несколько самок оленя спустя различные промежутки времени после спаривания, показали постепенное формирование зародыша из мельчайших фрагментов «неорганизованной» материи (хотя английский анатом не мог наблюдать сами первозданные части). Гарвей утверждал, что видел «живую точку» в эмбрионе до появления в нем каких-либо организованных структур, а после этого наблюдал последовательное появление узнаваемых частей. Его наблюдения, подтвержденные самым известным свидетелем – будущим английским королем Карлом II, “*Prince curieux, amateur des Sciences* [принцем любознательным, любителем наук]”, не пожалевшим самок оленя из своих угодий, чтобы дать возможность Гарвею “*découvrir le mystere de la génération*” [Maupertuis, 1745, p. 48], – предоставили Мопертюи эмбриологические доказательства эпигенеза. «Вместо того, чтобы видеть, как животное растет путем восприятия (*intus-susception*) новой материи, как это должно было происходить, если бы оно формировалось в яйце самки, или если бы это был маленький червячок, плавающий в сперме самца; здесь [в наблюдениях Гарвея] животное формирует себя путем соединения (*juxta-position*) новых частей» [Ibid., p. 58].

Термины *intussusceptions* и *juxtaposition* были заимствованы Мопертюи из химии, где они использовались для описания взаимодействия или смешения мельчайших частиц материи. На роли химиче-

⁵ Хотя на первый взгляд может показаться, что идеи Мопертюи предвосхитили некоторые концепции Г. Менделя, это, однако, не так (о чем см. [Sandler, 1983]).

ских представлений в биологических размышлениях Мопертюи я остановлюсь далее.

Риторическая структура аргументации французского ученого напоминает стратегию, которой он придерживался ранее, когда разъяснял читателям ньютоновскую концепцию сил гравитации: сначала им анализировались конкурирующие теории с разбором эмпирических оснований каждой, затем читателю внушалось, что старые теории не более ясны и непротиворечивы, чем предлагаемые автором новые взгляды, – к примеру, идеи преформистов не более понятны, чем концепция эпигенеза точно так же, как в физике объяснения, основанные на контактном взаимодействии тел (ударе), не более понятны, нежели идея действия на расстоянии. И в завершение своей аргументации Мопертюи подчеркивал, что предлагаемое им решение проблемы не является ни абсурдным, ни противоречивым (во всяком случае, оно не более абсурдно, чем любая альтернатива), а потому должно рассматриваться как вполне возможное (мыслимое). А как только предлагаемая концепция попадает в категорию «мыслимых», т.е. принципиально допустимых, можно идти далее, демонстрируя на конкретных примерах ее объяснительные возможности, даже если нет уверенности в справедливости предлагаемых новых идей. Разумеется, объяснения Мопертюи оставались сознательно спекулятивными. «Я слишком хорошо знаю недостатки всех предложенных мною систем, чтобы принять какую-либо из них, – признавался он откровенно. – Я нахожу эту область слишком темной, чтобы осмелиться создать какую-либо систему. Я имею лишь некоторые смутные мысли (*pensées vagues*), которые предлагаю скорее как вопросы для исследования, нежели как готовые мнения (*opinions à recevoir*): я не буду удивлен, а также не буду иметь оснований жаловаться, если их отвергнут» [Maupertuis, 1745, p. 91–92]. Однако он полагал, что такого рода спекуляции, не отходящие слишком далеко от эмпирических данных, могут быть продуктивными для науки о жизни, где применение математических методов не представлялось возможным.

Итак, организмы, по мысли Мопертюи, возникают из неких материальных компонентов, содержащихся в обоих родителях. Но что это за компоненты, и каким образом происходит их соединение? Мужские и женские частицы отличаются своими специфическими свойствами и силами, которые заставляют разрозненные части объединяться в функционирующие организмы. Каков бы ни был конкретный механизм этого процесса, он, согласно Мопертюи, допускал множество различных исходов.

В своих рассуждениях, особенно когда речь шла о происходящем на микроуровне, Пьер-Луи широко использовал аналогии, в первую очередь из химии. В частности, он ссылается на рост кристаллов как на аналог формирования «организованных тел». Скажем, «дерево Дианы (*Arbre de Diane*)» – дендритная амальгама кристаллизованного серебра,

полученная из ртути в растворе нитрата серебра – действительно имеет вид дерева: «...части реагирующих веществ сами по себе (*viennent d'elles-mêmes*) складываются в растительную форму, столь похожую на дерево, что нельзя отказать ей в этом названии» [Maupertuis, 1744, p. 117; Maupertuis, 1745, p. 100]. Такие кристаллы часто классифицировались как тела, занимающие промежуточное положение между живой и косной материей, но описывались как живые организмы.

Мопертюи воспользовался концепцией избирательных сил химического сродства, изложенной в работах парижского академика Э.Ф. Жоффруа (*Étienne François Geoffroy l'Aîné*; 1672–1731). К этому его подталкивало, кроме всего прочего, изменение отношения к идее химического сродства со стороны академиков: «...сколь бы непонятным ни было химическое сродство, похоже, оно проникло даже в Академию наук, где тщательно взвешивают новые мнения, прежде чем принять их к рассмотрению» [Maupertuis, 1745, p. 102].

Жоффруа исходил из того, что одно вещество взаимодействует с другим, к которому имеет определенное сродство (*rapport*), в результате чего образуется соединение с новыми свойствами. Третье вещество, если оно обладает к одному из компонентов образовавшегося тела более сильным сродством, нежели эти компоненты друг к другу, может разрушить это соединение. Опираясь на многочисленные данные опыта, Жоффруа создал так называемые *tables des rapports* (таблицы сродства) для схематического представления относительной силы, действующей между веществами. Эти таблицы демонстрировали разнообразие реакций, которые можно ожидать от данного вещества. По мысли Мопертюи, частицы, образующие живую материю, имеют «большее сродство к соединению» друг с другом, чем с другими частицами. При этом не все частицы, внесенные в зародыш родителями, должны использоваться в данном поколении, ибо силы сродства действуют так, что «каждый раз, когда две субстанции, имеющие предрасположенность (*disposition*) к соединению друг с другом, оказываются соединенными, и если там неожиданно появляется третья субстанция, наделенная большим сродством к одной из двух [вышеупомянутых], то эта третья субстанция вступает в соединение, вынуждая другую субстанцию удалиться (*lâcher prise*)» [Ibid., p. 103]⁶.

В *Vénus physique* химическое сродство соотносилось (практически даже отождествлялось) с гравитацией. «Я не могу не отметить, – писал Мопертюи, – что эти силы и эти сродства есть не что иное, как то, что другие, более смелые философы, называют притяжением (*Attraction*). Этот древний термин, возрожденный в наше время, поначалу шокировал тех ученых [*physiciens*], которые думали, что смогут

⁶ Мопертюи здесь цитирует, правда, с неточной ссылкой, статью Жоффруа [Geoffroy, 1718, 203].

объяснить все без него». Химики распространили понятие притяжения на явления микромира. «Так почему же эта сила, коли она существует в природе, не может играть роль в формировании тел животных?» [Maupertuis, 1745, p. 103–104]. Впрочем, в «*Système de la Nature*» (1754) Мопертюи отбросил мысль о тождестве сил сродства и гравитации. Видимо, со временем он все отчетливее понимал, что и притяжение, и химическое сродство могут выполнять в его аргументации лишь эвристическую функцию, поскольку они явно отличаются от сил, действующих в *corps organisés*.

Конкретизируя механизм репродуктивного процесса, Мопертюи предположил, что семенная жидкость мужчины и женщины состоит из бесчисленного множества частиц (“*petites parties de la matière*” [Ibid., p. 113]), не более заметных, чем мельчайшие элементы серебра или воды. Зародыш формируется из комбинации корпускул, полученных от каждого из родителей, хотя в семенной жидкости их содержится гораздо больше, чем реально участвует в формировании нового организма. Силы, подобные химическому сродству, определяют положение и порядок частиц в зародыше; и когда они оказываются достаточно близко друг к другу, чтобы могли начать действовать селективные химические силы, каждая частица одного родителя соединяется с оказавшейся рядом частицей другого.

Сильное сродство между корпускулами, «подходящими для формирования признаков, сходных с признаками отдельного родителя» [Ibid., p. 155], обуславливает сходство между родителями и потомством. Заметим: «частицы» мужского и женского организма соединяются, по мысли Мопертюи, не механически, но химически, вследствие чего образуются структуры (“*des unions des petites parties*” [Ibid., p. 113]), отличающиеся по своим свойствам от образовавших их компонентов.

Предложенная Мопертюи модель размножения позволяла также объяснить случаи, когда потомство отличалось от своих родителей, поскольку всегда существуют частицы с характеристиками, не наблюдаемыми у родительских. В случае альбинизма, например, образование зародыша протекает нормально по всем признакам, кроме одного. Конечный результат любого спаривания никогда не бывает полностью предопределен, поскольку такие факторы, как климат, питание и даже случайные сочетания элементов, вносят свой вклад в индивидуальные вариации. «Природа, – утверждал Мопертюи, – содержит фонд всех вариаций, но лишь случай или искусство (т.е. искусственная селекция. – И.Д.) реализует их (*mettent en oeuvre*)» [Ibid., p. 140].

Наука страсти нежной

Уже на первых страницах *Dissertation physique à l'occasion du nègre blanc* Мопертюи, разъясняя замысел сочинения, успокаивает свою читательницу, уговорившую его написать эту работу, а затем и «*Vénus physique*»: «Я собираюсь объяснить вам различные системы, которые разделяют философов в вопросе о том, как происходит оплодотворение. Я не скажу ничего, что могло бы потревожить вашу стыдливость (*prudeur*). Нет никакой нужды в том, чтобы нелепые предрассудки накладывали тень непристойности на предмет, в котором нет ничего неприличного» [Maupertuis, 1744, p. 7].

Разумеется, автор слегка лукавил. И в *Dissertation*, и особенно в *Vénus physique* эротический подтекст сквозит в небольших отступлениях и примерах, изложенных отнюдь не в академической манере. Мопертюи подробно и откровенно, хотя и прибегая к эвфемизмам, описывает брачное поведение животных. Эти антропоморфные описания приписывают страсти, влечения и мораль быкам, рыбам, горлицам и насекомым, пародируя цветистый стиль трудов по естественной истории и естественной теологии. «Какое разнообразие мы наблюдаем в способах, коими различные виды животных сохраняют себя (*se perpetuent*)!» [Maupertuis, 1745, p. 70]⁷. В работах по естественному богословию XVII–XVIII вв. подобное заезженное восклицание обычно выражало удивление перед роскошной красотой Божественного творения. Однако в данном случае благоговение приобрело несколько иной – эротический – оттенок: пчелиная матка содержит «гарем любовников и удовлетворяет их всех... [в] самом безудержном разврате» [Ibid., p. 75], «буйный бык, гордый своей силой, не балуется ласками. Он сразу бросается на телку, проникает глубоко в ее внутренности и выплескивает огромным потоком жидкость, делающую ее плодовой» [Ibid., p. 70]. Самец стрекозы, преследуя самку, «ловит ее, после чего они обнимаются, приникают друг к другу... а затем влюбленные улетают вместе, пускаются наутек» [Ibid.].

Автор *Vénus physique* не ограничивается пикантными подробностями из мира животных, время от времени добавляя информацию о людях, причем о конкретных лицах. К примеру, он сообщает, что А. ван Левенгук (*Antoni van Leeuwenhoek*; 1632–1723), «целомудренный и религиозный ученый, провел множество экспериментов

⁷ Глава XI. В оригинале порядок нумерации нарушен и после с. 87 (окончание гл. XI и начало гл. XII) следующая страница имеет номер 68. В результате страницы с номерами 68–87 при формально сплошной нумерации повторяются дважды. Здесь и далее цитируются фрагменты главы XI (с. 69–87 по первому употреблению этих номеров страниц).

[со спермой], ни к одному из которых, как он уверяет, не был привлечен кто-либо из его семьи (*aux dépens de sa famille*)» [Mauvertuis, 1745, p. 33].

Разумеется, Мопертюи не мог не вспомнить о регенерации пресноводных полипов: «Что мы должны думать об этом странном виде размножения, об этом начале жизни, распространенном по всем частям животного? Являются ли эти животные не чем иным, как собранием зародышей, готовых развиваться, как только им будет позволено? Или они воспроизводят неведомым образом все то, чего лишены изуродованные части? Может быть, природа, которая в случае всех других животных придала удовольствие акту, посредством которого они размножаются (*a attaché le plaisir à l'acte qui les multiplie*), заставила эти [существа] (т.е. полипы. – И.Д.) испытывать некое чувственное наслаждение (*quelque espece de volupté*), когда их разрезают на части?» [Ibid., p. 86–87].

В картине природы, созданной Мопертюи, основным принципом, определяющим поведение животных и человека, оказывается принцип удовольствия (*plaisir*). «Природа одинаково заинтересована в сохранении всех видов. Она наделила каждый из них одним и тем же стимулом (*motif*) – удовольствием. В человеческом роде оно заставляет все остальное исчезнуть перед ним; несмотря на тысячу препятствий на пути к союзу двух сердец и тысячу мучений, которые неизбежно последуют за ним, удовольствие направляет влюбленных к цели, задуманной природой» [Ibid., p. 74–75], и только сильная боль способна помешать этому союзу. Отсюда вывод: «Удовольствие и боль – вот два владыки мира (*Le plaisir & la douleur sont les deux maîtres du Monde*)» [Ibid., p. 86].

Свои мысли о размножении и наследственности Мопертюи изложил – с некоторыми уточнениями и дополнениями – в небольшом трактате *Système de la Nature* (Система природы) (1751)⁸. В этом сочинении основное внимание уделяется не эпигенезу, а обоснованию динамической концепции материи. Мопертюи противопоставляет химические объяснения, базирующиеся на концепции химического сродства механическому редукционизму, в то же время сознавая, что сродство, несмотря на его избирательность, все же не в состоянии

⁸ Первоначально это сочинение вышло в свет в 1751 г. на латыни под псевдонимом Dr. Vaumann и под заглавием *Dissertatio inauguralis metaphysica de universalium naturae systemate* (Erlangen [в действительности – Berlin]). Затем, в 1754 г., появился анонимный перевод на французский: «*Essai sur la formation des corps organisés*» (Berlin [в действительности – Paris]), а в 1761 г. вышел немецкий перевод также без указания имени автора: *Versuch von der Bildung der Körper* (Leipzig). Под заглавием *Système de la Nature. Essai sur la formation des corps organisés* эта работа была опубликована в собрании сочинений Мопертюи: [Mauvertuis, 1756].

объяснить природу и действия «организованной материи». «Мы должны обратиться к некоему разумному началу (*à quelque principe d'intelligence*), к чему-то подобному тому, что мы называем *желанием, отвращением, памятью (désir, aversion, mémoire)*» [Maupertuis, 1756, t. 2, p. 147]. Если удовольствие можно уподобить гравитации, охватывающей всю грубую материю, то тандем «желание» (направленное на получение удовольствия или на избегание боли) – «отвращение» подобен силам притяжения и отталкивания, действующим в неодушевленном мире. Особую функцию выполняет память. В процессе образования зародыша каждый соединяющийся элемент, будь то мужской или женский, «сохраняет своего рода память (*souvenir*) о своем предыдущем состоянии (*situation*) и при любой возможности вновь возвращается в то же состояние, чтобы сформировать ту же самую часть (в которой он исходно находился в мужском или в женском организме. – И.Д.) в зародыше» [Ibid., p. 158–159]. Но память не безошибочна, и Мопертюи учитывает возможность ее сбоя, который ведет к наследственным аномалиям.

Иными словами, он сформулировал динамику процессов в живой («организованной» по терминологии его времени) природе в терминах натурализованного желания и отвращения, которые функционируют как направляющие склонности, присущие мельчайшим единицам органической материи. Именно желание и отвращение являются, по Мопертюи, движущими силами многих природных и социальных процессов, от микрокосма активных органических молекул до макрокосма человеческого общества.

В природе, по убеждению Мопертюи, все подвижно и изменчиво: «...Вся материя, которую мы сейчас видим на поверхности нашей Земли, когда-то была жидкой, растворенной в воде или расплавленной огнем... Наименее активные частицы материи образовали металлы и камни [*marbres*]; наиболее активные – животных и человека. Разница между этими процессами состоит лишь в том, что элементы тел продолжают существовать в жидком состоянии, а элементы других затвердевают, и они уже не могут порождать новые сущности» [Ibid., t. 2, p. 153].

Вся природа, какой мы ее знаем, может быть возвращена в первозданное состояние катаклизмом – потопом или пожаром, что положит начало новому циклу развития. «После такого потопа или пожара могли бы воспроизводиться новые соединения элементов, новые животные, новые растения или, скорее, совершенно новые вещи» [Ibid., t. 2, p. 154].

Исследование изменчивой, активной природы требовало иных методов, чем те, которые традиционно использовались в анатомии или естественной истории. Мопертюи говорит о необходимости сочетания умозрительных рассуждений о сущностях, недоступных наблюдению, с доказательствами, собранными на больших группах

индивидов. В качестве примера можно привести изучение им наследования полидактилии в нескольких поколениях одной берлинской семьи, в которой эта аномалия передавалась как по материнской, так и по отцовской линиям. Эти данные не только свидетельствовали против преформизма (поскольку передача признака не была привязана к тому или иному полу), но и позволяли рассчитывать вероятности появления данного признака в данной популяции. Аналогичным образом, опыт разведения животных давал богатый материал для изучения смещения признаков и численного прогнозирования результатов. Замечу, что разведением домашних животных занимались не только крестьяне, но и многие аристократы. Сам Мопертюи держал кошек и собак и делился своим опытом селекционера в парижских салонах.

Заключение. Нескромные сокровища науки

Итак, Мопертюи, обращаясь к вопросам жизнедеятельности животных, решил изложить свои аргументы в определенном стиле и представить себя в роли, заметно отличающейся от той, которую он играл, когда писал математические статьи. В его сочинениях, посвященных физиологии размножения и проблемам наследственности, чередуются несколько дискурсивных стилей: дидактическая галантность, знакомая читателям по *Entretiens sur la pluralité des mondes* [Беседы о множественности миров] Фонтенеля (1686), сдержанность академических констатаций и выводов, характерная для языка *Mémoires de Mathématique & de Physique*, и эвфемизмы эротической беллетристики.

Отход от академической манеры изложения научных идей и гипотез, определивший риторическую стратегию и характер аргументации *Dissertation* и *Vénus physique*, был вполне сознательным приемом. Обращаясь к светской *par excellence* аудитории, причем аудитории, гендерно маркированной как женская, Мопертюи использовал различные стратегии, позволявшие ему представлять свои идеи и критику преформизма в формах, которые не сработали бы в академической среде. Пьер-Луи направил обсуждение врожденных аномалий («монстров») в новое русло: вместо анатомического дискурса он предложил умозрительные рассуждения о силах и началах, определяющих процессы размножения и наследственности, т.е. новый способ мышления, не имевший в то время надежного и естественного институционального пристанища.

Разумеется, он обращался не только к аристократической публике, готовой забавляться и скандалить, но также умело использовал общительный и кокетливый стиль остроумного собеседника, чтобы

в свободной манере, свойственной галантной литературе, формулировать важные научные гипотезы для широкого круга образованных читателей, более знакомых с рассказами о соблазнении, чем с результатами вскрытий в анатомическом театре.

Замечу, что Мопертюи (и не он один) сознательно культивировал идентичность, выходящую за рамки его корпоративной принадлежности к Академии, обыгрывая преимущества сочетания членства в этом формальном институте с потенциально рискованными личными *les liaisons dangereuses* в мире кафе, театров и будуаров, где философские вопросы были частью культурной валюты, которой обменивались участники этих ассоциаций.

В парижском обществе им восхищались не только за его научные познания, но и за его очаровательную манеру вести беседу и талант игры на гитаре. Репутация Пьера-Луи вышла далеко за пределы Парижа, поскольку он много путешествовал и переводил свои произведения на английский, немецкий и итальянский языки. В конце концов, по протекции Вольтера, Фридрих II Прусский переманил его в Берлин, чтобы Мопертюи возглавил там возрожденную Академию наук, что, впрочем, в итоге, не принесло радости ни королю, ни ученому.

Возвращаясь к стилистическим особенностям и содержанию *Vé-nus physique*, необходимо принять во внимание, что многие мыслители XVIII в. проповедовали подчиненность души физическим потребностям. Поведенческий кодекс «*honnête homme* (порядочного человека)» предполагал сочетание двух требований: подчиняться правилам приличия (все имеет свое время и место) и одновременно культивировать удовольствие» [Maupertuis, 1756, t. 2, 165]. Поэтому Мопертюи, подчеркивая особую роль стремления живых существ к удовольствиям, к удовлетворению своих желаний, не был оригинален. Но вместе с тем сферы науки и литературного либертинажа, как правило, различались. В трудах по естественной истории, которые были знакомы аудитории парижских салонов, – например, в шеститомном энтомологическом исследовании Реомюра, – могли встречаться пассажи, посвященные «чувственным удовольствиям (*sensibles plaisirs*)», вызванным восхищением миром насекомых, но то были, так сказать, мягкие и спокойные эмоции, возвышавшие дух [Reaumur, 1734–1742, p. 4, xxix]. В текстах же Мопертюи, если и был некий моральный урок, то он сводился к двум аспектам: 1) все мы состоим из одной и той же материи и подвержены одним и тем же мучениям и наслаждениям и 2) без наслаждения вид не смог бы размножаться и вымер. Тем самым Пьер-Луи рассматривает читателя и естествоиспытателя (*physicien*) как участников репродуктивного процесса, более того – как потенциальные объекты исследования, а не считает их пассивными созерцателями Божественного промысла. Поскольку половой акт, как и сопутствующее ему удовольствие,

имеет природное происхождение, то эти феномены можно и должно исследовать научными методами. Отсюда тон провокационной интимности, сопровождающий описания экспериментов и наблюдений. Именно поэтому *Vénus physique* была оценена некоторыми современниками как непристойная [Basset Des Rosiers, 1746].

В *Vénus physique* Мопертюи играл на привлекательности в определенных кругах своего рода социально приемлемой эпатажности, связанной с философскими текстами, эротикой, неортодоксальными религиозными верованиями и незаконными сексуальными связями. Писатели и читатели были очарованы всем низменным и тайным [Darnton, 1982; Darnton, 1996]. Большая часть порнографии XVIII в. активно эксплуатировала тему путешествия за открытиями или реализации некой экспериментальной программы. Наивные героини или герои этих книг обретали все больше и больше знаний по мере умножения своего опыта, причем самого разнообразного. Множество сексуальных возможностей были секретами, которые предстояло открыть и изложить читателю, подобно тому, как популяризаторы науки демонстрировали восторженной аудитории таинственные явления статического электричества [Darnton, 1996].

Более того, тайные знания имели дополнительную ценность: они были потенциально опасны, тогда как отрицание опасности стало маской-шаблоном для благородного либертена. Философы, шарлатаны и их читатели и почитатели были увлечены разоблачением скрытых истин – от лицемерия священников и спекуляций касательно отцовства незаконнорожденных детей до умозрительных рассуждений о силах природы. Спору нет, выявление истины часто связано с риском, однако физико-химические таинства секса стоили Бастилии. Мопертюи обратил внимание читателя на модную рискованность собственной работы, заметив, что передать рукопись в типографию было «труднее или, по крайней мере, опаснее», чем ее написать [Mauvertuis, 1744].

Пьер-Луи не просто хотел сделать науку забавной. Изложенные в терминах, доступных неспециалистам, его аргументы в пользу идеи эпигенеза и подмеченных им закономерностей в передаче наследственных признаков привели к появлению новых научных идей и подходов. Его стилистические решения свидетельствуют о том, что он осознавал ценность одобрения своих гипотез со стороны неакадемической аудитории. За довольно шаблонной анонимностью он ссылаясь на авторитет своих экспертных знаний, чтобы представить ту или иную аномалию, будь то пресноводный полип или мальчик-альбинос, не просто диковинкой, а научным объектом, достойным изучения. В итоге его авторский голос был услышан не только в границах элитарных салонов, но и в космополитическом мире *République des Lettres*.

Список литературы / References

Anon, 1920 – Anon. *Histoire de dom Bougre: Portier des Chartreux* / Précédée d'une preface par Helpy bibliographe poitevin [Louis Perceau]. Nouvelle édition, revue sur le texte original, augmentée de tous les passages supprimés dans toutes les éditions modernes. Cluny: chez le Sacristain des Carmes, [ок. 1920].

Basset Des Rosiers, 1746 – Basset Des Rosiers, G. *L'Anti-Vénus physique. Première partie: Critique de la dissertation sur l'origine des Hommes et des Animaux. Seconde partie: Critique de la dissertation sur l'origine des Noirs*. 2 parties en 1 vol. S.l., s.n., 1746.

Boyle, 1772 – Boyle, R. “A Free Inquiry into the Vulgarly Received Notion of Nature: Made in an Essay Addressed to a Friend [1685/6]”, in: Boyle, R.; Th. Birch (ed.) *The Works*, in 6 vols. London: J. & F. Rivington, 1772, vol. 5, pp. 158–254.

Darnton, 1982 – Darnton, R. *The Literary Underground of the Old Regime*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982, 258 pp.

Darnton, 1996 – Darnton, R. *The Forbidden Bestsellers of Pre-Revolutionary France*. New York: Norton, 1996, 440 pp.

Dawson, 1987 – Dawson, V. *Nature's Enigma: The Problem of the Polyp in the Letters of Bonnet, Trembley, and Réaumur*. Philadelphia: American Philosophical Society, 1987, 266 pp.

Diverses observations, 1744 – “Diverses observations anatomiques V”, *Histoire de l'Académie Royale des Sciences avec les Mémoires de Mathématique & de Physique, pour la même Année, 1744* (публикация – 1748), pp. 12–13.

Encyclopédie, 1751–1780 – *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* / Par une société de gens de lettres; Mis en ordre et publié par m. Diderot [...]; Quant à la partie mathématique par m. D'Alembert [...]. En 35 t. Paris: Briasson, David l'Ainé, Le Breton, Durand; Paris/Neufchastel: Samuel Faulche, 1751–1780.

Fontenelle, 1734 – Fontenelle, B. «Observations de physique générale. I», *Histoire de l'Académie Royale des Sciences avec les Mémoires de Mathématique & de Physique, pour la même Année, 1734* (1736), pp. 16–17.

Formey, 1759 – Formey, J.-H.-S. Eloge de M. de Maupertuis. *Histoire de l'Académie Royale des Sciences et des Belles-Lettres de Berlin, 1759* (1766), pp. 464–512.

Gasking, 1967 – Gasking, E. *Investigations into Generation, 1651–1828*. London: Hutchinson, 1967, 192 pp.

Geoffroy, 1718 – Geoffroy, E.F. “Des differents rapports observés en Chimie entre différentes substances”, *Histoire de l'Académie Royale des Sciences avec les Mémoires de Mathématique & de Physique, pour la même Année, 1718* (1721), pp. 203–212.

Histoire..., 1741 – *Histoire de l'Académie Royale des Sciences avec les Mémoires de Mathématique & de Physique, pour la même Année, 1741* (1744).

Licetus, 1616 – Licetus, F. *De Monstrorum caussis, natura et differentiis libri duo*. Patavii: apud G. Crivellarium, 1616.

Mandeville, 1960 – Mandeville, J.; J. d'Outremeuse (trans.), Ms. Cotton Titus C. (ed.) *Travels*. London, New York: Published for the Early English Text Society by the Oxford University Press, 1960, 217 pp.

Maupertuis, 1744 – [Maupertuis, P.-L.] *Dissertation physique à l'occasion du nègre blanc*. Leyde: [s. n.], 1744. [Préface s.p.].

Maupertuis, 1745 – [Maupertuis, P.-L.] *Vénus physique*. [s. l.; La Haye?], 1745.

Maupertuis, 1756 – Maupertuis, P.-L. Moreau de. “Système de la Nature. Essai sur la formation des corps organisés”, in: Maupertuis P.-L. Moreau de, *Oeuvres*, en 4 t. Nouvelle Edition corrigée & augmentée. Lyon: J.-M. Bruyset, 1756, t. 2, pp. 136–168.

Maupertuis, 1768 – Maupertuis, P.-L. Moreau de. *Lettre XIV. Sur la generation des animaux*, in: Maupertuis P.L. Moreau de. *Oeuvres*. En 4 t. Nouvelle édition corrigée & augmentée. Lyon: J.-M. Bruyset, 1768, pp. 299–314.

Needham, 1959 – Needham, J. *A History of Embryology*. 2d ed., rev. Cambridge: University Press, 1959, 303 pp.

Réaumur, 1734–1742 – Réaumur, R.-A. de. *Mémoires pour servir à l'histoire des insectes*. En 6 t., Paris: L'Imprimerie Royale, 1734–1742.

Roger, 1971 – Roger, J. *Les sciences de la vie dans la pensée française du XVIII-ième siècle: la génération des animaux de Descartes à l'Encyclopédie*. 2nd ed. Paris: Armand Colin, 1971, 848 pp.

Sandler, 1983 – Sandler, I. “Pierre Louis Moreau de Maupertuis: A Precursor of Mendel?”, *Journal of the History of Biology*, 1983, vol. 16, no. 1, pp. 100–136.

Spary, 1999 – Spary, E.C. Enlightened Natures, in: W. Clark, J. Golinski and S. Schaffer (eds.) *The Sciences in Enlightened Europe*. Chicago: University of Chicago Press, 1999, pp. 272–304.

Terrall, 2002 – Terrall, M. *The Man Who Flattened the Earth: Maupertuis and the Sciences in the Enlightenment*. Chicago: The University of Chicago Press, 2002, 408 pp.

Voltaire, 1777–1885 – Voltaire, F. *Oeuvres complètes*. En 52 t. Nouvelle édition / Éditeur scientifique L. Moland. Paris: Garnier frères, 1877–1885.